

**Artificial intellect or intellect of subjects to detection, disclosure
and investigation of crimes: what will win?**

Abstract: Digitalization of various spheres of human life activity has become an expected phenomenon for various reasons. This can also come about as a consequence of the consistent development of science and technology, and as a result of the natural reorientation of society and the state. And increasingly the position for digitalization has many valid arguments. This situation has also affected the criminal process. The author of the article focuses attention on the problem aspects of the activities to identify, uncover and investigate crimes and offers a solution in the form of the theory of intellectual support of the criminal process, in which the key place is occupied by artificial intelligence systems. The latter, in the author's opinion, have considerable potential in their potential and are able to outstrip human intellect in a number of ways.

Keywords: criminal procedural activity; subjects of detection; disclosure and investigation of crimes; digitalization; crime detection; intellectual support; artificial intellect; intellectual systems; expert systems; decision support systems; neural networks.

Переход от традиционной индустриальной эпохи в эпоху информационных технологий стал закономерным последствием повсеместного оцифровывания человеческой жизнедеятельности и тотальной информатизации и компьютеризации общественных отношений. Указанная тенденция коснулась и криминальной сферы. Значительная часть совершаемых преступлений прямо или косвенно основывается, как бы

♦ **Afanasyev Aleksey Yuryevich** – PhD in Law, a lecture of the Department of Criminalistics of Nizhegorod Academy of the MIA of Russia.

несообразно это не звучало, на последних разработках науки и техники. Так, согласно официальным данным за 2017 год, преступлений, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, насчитывается 90587 [19].

На этом фоне остаются крайне низкими основные показатели деятельности субъектов выявления, раскрытия и расследования преступлений. В частности, до 43% снизился общий уровень раскрываемости преступлений, где на самом низком уровне находится раскрываемость преступлений против собственности, совершаемых именно с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий [12]. Подобная ситуация не может оставаться незамеченной не только уполномоченными государственными органами, но и представителями научного сообщества. Наша задача найти своевременное научно-обоснованное решение создавшейся проблемы.

И в данных условиях, на первый взгляд, предложения о замене традиционной фигуры следователя на определенного программиста, специалиста по информационной безопасности (профессионального «анти-хакера»), расследующего уголовные дела не следственным путем звучат не совсем абсурдно [11]. Но до тех пор, пока не задумываешься о том, что разве может цифровизация служить аргументом для полного отказа от следственной власти? На наш взгляд, недопустимо цифровизацию уголовного процесса ставить в противовес следственной деятельности, поскольку это не взаимоисключающие, а взаимодополняющие понятия. Причем вопрос снижения качества расследования и низкого уровня раскрываемости не может строиться на подобных манипуляциях с человеческими ресурсами и требует более системного решения, нежели элементарного приспособления уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности.

Так называемую цифровую реальность следует понимать не как веяние моды, не как некий тренд, а как закономерное явление, разрастающееся вне зависимости, желаем ли мы его наступления или нет. Причем субъекты преступной деятельности в этой сфере по умолчанию будут опережать субъектов выявления, раскрытия и расследования преступлений, поскольку их стимулирует нечто большее, чем показатели раскрываемости.

По нашему мнению, имеющаяся система показателей, по которым оценивается деятельность правоохранительных органов, в частности, органов предварительного следствия, изначально дефектна: она заставляет следователей стремиться не к восстановлению нарушенных прав и свобод или защите от необоснованного ограничения прав и свобод, а к направлению уголовного дела с обвинительным заключением сначала к прокурору, а после – в суд. Такая практика негативно сказывается на всей системе правосудия. Исходя из этого, полагаем, что требуется пересмотреть направления оценки деятельности субъектов расследования. На это обращалось внимание и на расширенной коллегии МВД России, где в ходе своего выступления Президент РФ отметил, что «...сложилась практика оценивать работу дознавателя, следователя по количеству дел, переданных в суд, в том числе дел, которые должны быть прекращены по нереабилитирующим основаниям. Таких дел – около четверти от всех, что оказались или оказываются в суде, и фактически уже на стадии следствия ясно, что они не имеют перспективы для вынесения приговора, не имеют судебной перспективы» [12]. Достаточно существенный аргумент для реформирования системы отчетности в органах предварительного расследования.

Однако нецелесообразная система показателей не единственная проблема, которая лежит в основе низкой раскрываемости. Слабый уровень подготовки правоприменителей, следственная и судебная волокита, зависимое положение субъектов расследования, коррупционные риски

уголовно-процессуальной деятельности и уголовно-процессуального закона и многие другие факторы влияют на качество деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений. Достаточно ли для этого наличие таланта и профессионализма у сотрудников? Считаем, что нет. Более того, полагаем, что указанная деятельность не может обеспечиваться исключительно интеллектуальными возможностями отдельных оперуполномоченных, дознавателей, следователей, руководителей следственного органа и т.д. Для построения эффективной системы защиты прав и свобод личности от преступных посягательств не стоит рассчитывать лишь на самого себя или же на глупость преступника. Учитывая сложность противодействия преступлениям, совершаемым с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, надеется на ошибки или некомпетентность криминала просто не разумно. Необходима качественно новая система интеллектуального обеспечения оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности, в том числе основанная на возможностях искусственного интеллекта.

«Искусственным интеллектом, или ИИ (Artificial Intelligence – AI), называют процесс создания машин, которые способны действовать таким образом, что будут восприниматься человеком как разумные» [13, с. 15]. Данная система представляет собой направление разработки компьютерных функций, связанных с человеческим интеллектом, таких как: рассуждение, обучение и решение проблем. Иными словами, искусственный интеллект – это перенос человеческих возможностей мыследеятельности в плоскость компьютерных и информационных технологий, но уже без свойственных человеку пороков.

Потенциал искусственного интеллекта успешно реализовывается в различных сферах: образование, медицина, робототехника, экономика, в особенности банковская деятельность, промышленность, сельское хозяйство, а также человеческий быт и многие иные сферы человеческой

жизнедеятельности. В последние годы весьма активно заговорили о возможностях искусственного интеллекта и в юриспруденции. В частности, был проведен эксперимент по сравнению интеллекта юристов (профессоров юриспруденции из Стэнфорда и университета Южной Калифорнии) и искусственного интеллекта, разработанного юридической ИИ-платформой LawGeex, которая способна читать и интерпретировать сложные юридические документы. По результатам люди набрали в конкурсе 85%, но их полностью обставил искусственный интеллект, который набрал 95%. К тому же в среднем людям понадобилось 92 минуты для анализа контрактов, тогда как искусственный интеллект справился за 26 секунд [15]. Разумеется, подобные результаты не стоит воспринимать однозначно, поскольку использованный в эксперименте искусственный интеллект производил лишь контекстный поиск и не способен оценивать документ в совокупности и в соотношении с иными данными. Однако это не самые продвинутые системы искусственного интеллекта, которые возможны в принципе. Следует признать, что в целом потенциал подобных систем крайне высок и имеются основания рассуждать об определенном преимуществе над человеческими ресурсами. Все это связано с тем, что человеческая мыслительность несовершенна и реализуется не в полном объеме. С.Б. Вепрев и С.А. Нестерович полагают, что «...ограниченные возможности человеческого мозга принуждают его осуществлять вербальное перекодирование исходной информации в сгустки насыщенной информации, при использовании уникальных возможностей человеческой речи. Человеческие рассуждения по своей природе, в большинстве случаев, являются приближенными» [10, с. 990-991]. Если говорить непосредственно о правоприменительной деятельности, то справедливо можно заметить, что «среднестатистический правоприменитель интеллектуально не успевает за изменениями в законодательстве и, к тому же, у него так и не сформировалась мотивация к точному исполнению закона» [16, с. 88].

В этой связи здесь необходимо оговориться относительно будущего самих субъектов выявления, раскрытия и выявления преступлений в случае обширного введения систем искусственного интеллекта в правоохранительную среду: наша позиция состоит в том, что искусственный интеллект – это атрибут современной и эффективной оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности, а не основание для отказа от должностных лиц. Несмотря на то, что, как указывает С.В. Власова, «цифровые технологии вытесняют людей из целого ряда сфер деятельности, включая некоторые сегменты юридической, уголовно-процессуальной деятельности, доказывания – «интеллектуальными агентами» [11], мы считаем, что потенциал искусственного интеллекта должен использоваться в той степени, которая позволит успешно реализовывать возложенные функции, а не в противовес имеющейся системе.

В частности, по мнению О. Бяхова, в юриспруденции это будет происходить по принципу «robots will take your work, not your jobs», то есть роботы будут брать на себя рутинные операции, но не отнимать рабочие места у людей. Речь идёт о роботизации таких процессов, как управление затратами на приобретение доступа к информации, поиск правильной внешней экспертизы для получения доказательной юридической базы и определение соответствия документов нормативным требованиям. Иными словами, искусственный интеллект возьмет на себя то, что приносит юристам наименьшее профессиональное удовлетворение, позволяя им креативно заняться бесчисленными новыми вызовами, которые возникнут с приходом искусственного интеллекта в юриспруденцию [9].

На сегодняшний день справедливо можно говорить о таких формах использования возможностей искусственного интеллекта как системы поддержки решений, экспертные системы, нейросети, интеллектуальные производственные системы и т.д. [17, с. 41-42]. Причем каждая из этих систем уже получила соответствующее развитие в юридической

сфере. Например, экспертные системы в уголовно-процессуальной деятельности получили свое воплощение еще с середины прошлого века [7; 8]. Полагаем, что экспертные системы обрели широкое распространение и применение в правоохранительной деятельности в силу способности данных систем распознавать криминальную ситуацию, находить возможные варианты ее расследования, давать практические рекомендации [10, с. 988]. Известны такие экспертные системы как «Наркоэкс» (экспертиза наркотических веществ), «Балэкс» (баллистическая экспертиза), «Кортик» (экспертиза холодного оружия), «Маньяк» (поддержка принятия решений при раскрытии серийных убийств, совершенных на сексуальной почве), «Спрут» (установление связи субъектов преступного формирования на основании знаний о преступных формированиях, связей между лицами, экономических составляющих и фактов, представляющих оперативный интерес), «Мясо» и «Полюс» (компьютерная поддержка версионного анализа и принятие решений о проверке версий при расследовании хищений мясной и молочной продукции) и др.

Подобные экспертные системы способствуют повышению эффективности управления путем автоматизации деятельности и функционирования правоохранительных органов, позволяют значительно снизить временные затраты на принятие решений в рамках конкретной ситуации, связанной с правом, обеспечивают улучшение качества и проработанности принимаемого решения [10, с. 986]. Это становится возможным благодаря тому, что любая интеллектуальная система есть результат аккумуляции всех имеющихся знаний в определенной сфере. В экспертных системах человеческий интеллект используется в концентрированном виде для решения стандартных ситуаций в различных областях знаний и что при этом выдаваемые машиной рекомендации носят консультативный характер, принятие решения остается за человеком,

хотя эти решения представляют собой качественно новый, более высокий уровень [20, с. 29-30].

Применительно к деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений данные системы получают новое дыхание, поскольку принятие уголовно-процессуальных и организационных решений предполагает оптимизацию всех наличных сил и средств, в том числе консультационно-справочного и рекомендательного характера. Считаем, что экспертные системы могут быть вполне успешно использованы в процессе доказывания и принятия решений. Знания, содержащиеся в экспертных системах и выраженные в форме правил типа «Если существует такой факт, то, вероятно, произошло такое действие или существовал такой мотив этого действия», пригодные для автоматизированной обработки и позволяют имитировать процесс оценки следователем ситуации расследования и обеспечивать в режиме диалога консультационную поддержку принятия им решений. Ключевыми задачами, выполняемыми с помощью таких систем, могут выступить: определение возможных направлений расследования (формирование версий о событиях с учетом, по возможности, различных источников получения информации), выбор наиболее вероятных направлений; предоставление пользователю рекомендаций относительно дальнейших действий (назначение экспертиз, проведение оперативно-поисковых мероприятий, проверочные и следственные действия и т.д.).

Необходимо также иметь в виду, что решение этих задач невозможно без наличия таких дополнительных элементов, как: система типовых моделей следственных действий; система тактических приемов, обеспечивающих оптимальность проведения следственного действия; система логических методов, оптимизирующих в традиционных формах решение стандартных следственных задач; система эвристических методов решения следственных задач. Кроме этого следует учесть, что эффективность конкретной экспертной системы зависит от числа и качества типовых программ,

введенных в память компьютерной техники, логических и эвристических методов их преобразования, а также числа продукций, содержащихся в ее базе знаний [14, с. 117-118].

Несмотря на некоторые сложности, связанные с разработкой систем, основанных на искусственном интеллекте, и последующим применением в профессиональной деятельности оперуполномоченного, дознавателя, следователя, их значение нельзя соизмерить. С помощью указанных систем последовательно решаются такие задачи как: оптимизация уголовно-процессуальной деятельности, уменьшение нагрузки субъектов расследования, сокращение следственных ошибок, повышение уровня защищенности прав и свобод личности от противоправных деяний... Реальные возможности искусственного интеллекта в уголовном процессе только предстоит раскрыть.

Успешность данной идеи, главным образом, зависит от той системы координат, в которую она встраивается. По нашему мнению, внедрение в уголовный процесс разработок, основанных на искусственном интеллекте, необходимо производить в рамках теории интеллектуального обеспечения уголовного процесса. Новаторской является не только сама идея создания теории интеллектуального обеспечения уголовно-процессуальной деятельности, но и формулировка: ранее в одном контексте указанные понятия не встречались. Хотя имеется ряд работ, содержащих предпосылки для создания данной теории. Например, М.М. Бабаев и В.Ю. Пудовочкин в последние годы значительно продвинулись в исследовании проблем интеллектуального обеспечения уголовной политики [3; 4; 5; 6] (хотя М.М. Бабаев еще в 2000 году заложил основы этим разработкам [2]). Более масштабные исследования коснулись интеллектуального обеспечения иных сфер, в особенности экономики [1; 18]. Однако неизвестны подобные работы в уголовно-процессуальной науке, допуская при этом наличие отдельных разработок, косвенно охватывающих указанное направление. По нашему

мнению, систему интеллектуального обеспечения уголовного процесса необходимо представить из следующих взаимосвязанных и взаимодополняющих элементов:

- профессиональная подготовка субъектов выявления, раскрытия и расследования преступлений;
- законодательное обеспечение уголовного процесса;
- научно-исследовательское обеспечение уголовно-процессуальной деятельности;
- информационно-техническое обеспечение уголовного судопроизводства;
- обеспечение уголовного процесса системами искусственного интеллекта.

При этом первое направление реализуется в рамках системы высшего профессионального образования, преимущественно в специализированных ВУЗах, осуществляющих подготовку специалистов по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений. Второе направление содержит положения интеллектуального оснащения с помощью нормативных правовых актов, регламентирующих уголовно-процессуальную деятельность, главным образом, уголовно-процессуального закона. Третье направление строится на основе передовых научных разработок, в том числе инновационных, по отраслям криминального цикла и носящих как теоретический, так и прикладной характер. Четвертое направление находит свою реализацию через информационные и технические ресурсы, в частности, с помощью различных автоматизированных информационных баз данных, информационных систем обработки данных, технических средств, информационно-телекоммуникационных технологий, используемых в правоохранительной деятельности, и т.д. Пятое направление раскрывается в использовании систем искусственного интеллекта в деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений. Каждый из этих

элементов не может быть исключен из системы интеллектуального обеспечения, напротив, допускается дополнение новыми, неизученными формами и видами интеллектуальных подсистем.

Первые три направления практически полностью подвластны человеческому интеллекту, четвертое – является промежуточным плодом ранней стадии информационной революции. А системы искусственного интеллекта в этой эволюционной цепочке занимают вершину. Хотя и создаются они человеком, но после разработки способны самостоятельно производить процессы, свойственные человеческому мозгу. Нисколько не принижая значимость в интеллектуальном обеспечении уголовного процесса предыдущих элементов, следует заметить, что именно за системами искусственного интеллекта кроется перспектива развития уголовного судопроизводства.

Таким образом, можно сформулировать следующие выводы:

Повышенный уровень преступности, использование преступниками новых способов и средств совершения преступлений, критически низкие показатели раскрываемости обязывают заинтересованных лиц искать новые пути совершенствования деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений.

При этом нецелесообразная система показателей, слабый уровень подготовки правоприменителей, следственная и судебная волокита, зависимое положение субъектов расследования, коррупционные риски уголовно-процессуальной деятельности и уголовно-процессуального закона и многие другие факторы влияют на качество данной деятельности.

Для коренного перелома в сложившейся ситуации становится крайне недостаточным интеллектуальных возможностей отдельных оперуполномоченных, дознавателей, следователей, руководителей следственного органа и т.д. В этой связи актуализируется необходимость в качественно новой системе интеллектуального обеспечения оперативно-

розыскной и уголовно-процессуальной деятельности, в том числе основанной на возможностях искусственного интеллекта.

Искусственный интеллект – это атрибут современной и эффективной оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности, а не основание для отказа от должностных лиц. Систему интеллектуального обеспечения уголовного процесса необходимо представить из следующих взаимосвязанных и взаимодополняющих элементов: профессиональная подготовка субъектов выявления, раскрытия и расследования преступлений; законодательное обеспечение уголовного процесса; научно-исследовательское обеспечение уголовно-процессуальной деятельности; информационно-техническое обеспечение уголовного судопроизводства; обеспечение уголовного процесса системами искусственного интеллекта. При этом именно за системами искусственного интеллекта кроется перспектива успешного развития уголовного судопроизводства.

Пристатейный библиографический список

1. Ахтямов М.К. Концепция интеллектуального обеспечения инновационного развития предпринимательства: дис. ... д-ра экон. наук. СПб, 2010. 415 с.

2. Бабаев М. М. Интеллектуальное обеспечение процессов борьбы с преступностью // Ученые труды Российской академии адвокатуры им. Ф. Н. Плевако. 2000. Вып. 1. С. 16-32.

3. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Криминологическое мышление в контексте интеллектуального обеспечения уголовной политики // Журнал российского права. 2013. № 8. С. 55-65.

4. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Понятие и механизм интеллектуального обеспечения уголовной политики // Российский следователь. 2013. № 11. С. 2-5.

5. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Проблемы обеспечения интеллектуальных потребностей уголовной политики // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права: теория и практика: материалы Международной научно-практической конференции, 9-10 апреля 2013 года. Тамбов: Издат. дом ТГУ им.Г.Р. Державина, 2013. С. 67-79.

6. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Российская уголовная политика и уголовный закон: опыт критического анализа: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 244-267.

7. Баранов А.К., Бобрынин Н.Б., Степанов М.Г. Основы применения вычислительной техники в деятельности органов внутренних дел. Горький: ГВШ МВД СССР, 1987. 93 с.

8. Баранов А.К., Цветков С.И. Компьютерные системы поддержки принятия следователем тактических решений. М.: Академия МВД России, 1992. 112 с.

9. Бяхов О. Юриспруденция и искусственный интеллект: наступает эпоха беспрецедентных вызовов // Материалы закрытой экспертной дискуссии клуба «Валдай» и АО «РВК» «Юриспруденция: что ждёт право в эпоху роботов и искусственного интеллекта?». URL: <http://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/yurisprudentsiya-i-iskuss...> (дата обращения: 10.04.2018).

10. Вепрев С.Б., Нестерович С.А. Экспертные системы в юридической деятельности // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. 2017. №13. С. 986-991.

11. Власова С.В. К вопросу о приспособливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 1. С. 9-18. URL: <http://www.iuaj.net/node/2433> (дата обращения: 10.04.2018).

12. Выступление Президента РФ В.В. Путина на расширенном заседании коллегии МВД России от 28 февраля 2018 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/56949> (дата обращения: 10.04.2018).

13. Джонс М. Т. Программирование искусственного интеллекта в приложениях / М. Тим Джонс ; Пер. с англ. Осипов А. И. – М. : ДМК Пресс, 2011. 312 с.

14. Зорин Г.А. Криминалистическая эвристика. т. II. Гродно, 1994.

15. Кудрявцев Н. Искусственный интеллект лучше юристов разбирается в юридических контрактах. URL: <https://www.porpmech.ru/technologies/news-412712-iskusstvennyu-intellekt-...> (дата обращения: 10.04.2018).

16. Мониторинг уголовной политики России. Монография. Под общ. ред. С.В. Максимова. М.: Институт государства и права РАН, 2014. 482 с.

17. Павлов С.Н. Системы искусственного интеллекта: учеб. пособие. В 2-х частях. Томск: Эль Контент, 2011. Ч. 1. 176 с.

18. Слепнёва Ю.В. Механизм интеллектуального обеспечения развития региональных инновационных систем: дис. ... канд. экон. наук. Улан-Удэ, 2014. 184 с.

19. Состояние преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2017 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/12167987/> (дата обращения: 10.04.2018).

20. Уголовный процесс: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Под ред. В.П. Божьева. 3-е изд., испр. и доп. М.: Спарк, 2002. С. 29–30.